

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КОЖИН А. Н.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Экстремальные условия жизни общества в годы Великой Отечественной войны, определявшей «судьбу всего нашего народа, завоевания рабочих, крестьян, интеллигенции, всего советского общества» [1], предопределяли активизацию тех процессов, которые в языке протекают незаметно и не всегда воспринимаются говорящими. Как известно, все звенья лексической системы русского языка по-своему откликались на изменения, происходившие в обществе: возникали новые слова и лексикализованные словосочетания; напротив, утрачивали активность, переходили в пассивный запас некоторые группы лексем и выражений; намечалось иное употребление слов, что вело к возникновению у них новой коннотации, новых смыслов и даже иных значений; расширяли сферу употребления слова и словосочетания специальной, профессиональной речи; завоевывали статус литературности слова обиходно-разговорной речи; имело место сложное взаимодействие между средствами литературной и нелитературной речи; происходила переоценка стилистической позиции слова.

Слово не только откликалось на запросы общества, но и служило средством оценки обозначаемого и выражения эмоционального отношения к предмету речи. В речевой ситуации слово оказывалось объектом оценки, отражавшей тот или иной подход к объективируемой средствами языка внеязыковой действительности.

В речи периода Великой Отечественной войны существенно расширяется сфера употребления слов и словосочетаний, обозначающих реалии военного дела; будни эпохи содействовали тому, что военные термины, определявшие профессиональный профиль речи военнослужащих, становились достоянием более широкого круга носителей русского языка: они узнавались, понимались всеми, кто был втянут в сферу военно-делового общения, и использовались в качестве средства массовой коммуникации; ср., например, употребление выражения *разведка боем*: «Утром белесую полосу тумана разорвали гулкие орудийные залпы... Еще не успели смолкнуть последние выстрелы, как советские бойцы дружно устремились вперед через минные поля, в которых ночью саперы проделали проходы. Так началась *разведка боем*» (Вечерняя Москва, 1943, 2 июля).

Некоторые слова обрели при этом иное содержание по сравнению с тем, какое они имели прежде, например: *эскарп* — это не только ближайшая к валу крутизна наружного рва укрепления (как было ранее), но и противотанковое препятствие в виде высокого крутого среза ската возвышенности, обращенного в сторону противника [2].

Практика всеобщего военного обучения, публикация учебных материалов, сообщения в печати о ходе таких занятий — все это способствовало распространению военной лексики: «Боец всеобуча, быстрее овладевай *минометом*! Приемы и правила стрельбы из *миномета*. Наводка *миномета* на цель. Установка *миномета* на *огневой позиции*. Действия при *осечке*. *Минометчики*...» (Комсомольская правда, 1941, 28 окт.).

Пути и способы освоения военного словаря были весьма разнообразными. Содержание соответствующих понятий разъясняется в прессе того времени, сопровождается комментариями, развернутым описанием того, что покрывается содержательностью военного обозначения: «Фашисты основательно в селе укрепились. Было сосредоточено 40 орудий, 2 батальона пехоты. Позиции казались прочными. Подступы к ним изрыты глубокими оврагами. На господствующих высотах поставлены пулеметы. Тан-

кам и пехоте предстояло разрубить этот узел ... узел сопротивления» (Известия, 1942, 27 янв.). Содержание слова в военной речи раскрывалось при посредстве образных представлений, создаваемых изобразительными потенциями контекста: «Мина даже в открытом поле рвется со звуком пронзительным, истерически звонким, диким, как будто перебивают барабанные перепонки, а в городе кажется, что все ухо вырвали с мясом» (Известия, 1942, 1 ноября); «Над головой все время „фюить“, „фюить“, клубится пыль, *трассирующие пули*, разрываясь о кустарник, осыпают траншею фейерверком — синим, красным, зеленым» (Известия, 1942, 15 ноября). Широко распространялось переносно-фигуральное словопотребление: разведка — *глаза и уши армии*, обороняемый рубеж — *твоя крепость*, на *плечах противника* ворваться в город, *прикрывать огнем и броней* рубеж обороны.

Содержательность соответствующего слова, словосочетания разяснялась изобразительно-мотивирующим обрамлением текста, расширявшим круг зрительных или слуховых представлений о тех предметах, которые соотносятся с определенным понятием области, военного дела. Словосочетания *трассирующая пуля*, *трассирующий снаряд*, указывающие на свойство обозначаемого, включались в лексическое обрамление, определявшее диапазон цветовых обозначений; полет светящихся пуль или снарядов мог представляться в виде *пунктира*, *огненных пчел*, *снопов*, *нитей*, *стак*, *змеек*, *струй*, *траекторий*, *стрел*, *полос* и иного ряда зрительных впечатлений: «Над лесом тянутся огненные нити трассирующих пуль» (Правда, 1942, 11 янв.); «Трассирующие пули чертили черное пространство *синими*, *красными*, *оранжевыми траекториями*» (Правда, 1941, 22 окт.); «Трассирующий снаряд чертит в воздухе *оранжевую стрелу*, которая своим острием упирается в стальную броню вражеского танка» (Комсомольская правда, 1941, 15 июля). Деятельность боевой техники характеризовалось посредством слов, вызывающих представление о слуховых впечатлениях средств поражения, обозначаемых военными терминами (снаряды, мины, бомбы, автоматы, пулеметы): «Переливают с *шипением* тяжелые снаряды дальнбойной артиллерии» (Вечерняя Москва, 1943, 18 авг.); «... *шипящей* и *визжащей* волной накатился огонь фашистских минометов» (Комсомольская правда, 1941, 28 авг.).

Военные обозначения обретали необходимый статус доходчивости в построениях, содержащих различные виды образных сравнений (конструкции с союзами как, словно): «Огневой вал артиллерии пылает на правом берегу, и войска идут на него, как на свет новой зари» (Известия, 1943, 14 окт.); «Над штурмовиками, как стальные рыбы, со звонким напевом моторов мчались *истребители*» (Вечерняя Москва, 1943, 18 авг.); «Два наших ястребка *выпустили несколько пулеметных очередей*. Аэrostаты вспыхнули, как факелы» (Правда, 1941, 7 окт.); «...словно на кинжал, напоролись огромные скопления вражеских войск на *танковую часть*» (Комсомольская правда, 1941, 10 авг.).

Боевая практика, эффективность средств поражения нередко передавались построениями с творительным сравнительным, прояснявшими содержательность военного обозначения: «Пылали кострами *гражданские танки*» (Вечерняя Москва, 1943, 18 авг.); «Штурмовики быстро привали боевой порядок и грозным „*веером*“ начали заходить в пики на цель» (Вечерняя Москва, 1943, 13 июля).

Составные обозначения военных реалий в общедоно-деловом общении военнослужащих заменялись сленжносокращенными образованиями, получившими широкое распространение как в разговорной, так и в письменной речи периода Великой Отечественной войны. Это были *инициальные* сокращения (*иптап* — истребительный противотанковый артиллерийский полк, *ППШ* — пистолет-пулемет конструкции Г. С. Шпагина, *ПТР* — противотанковое ружье, *СУ* — самоходная установка, самоходная пушка, *ДОТ* — долговременная огневая точка, *ДЗОТ* — дерево-земляная огневая точка), аббревиатуры из начальных частей сокращаемых слов (*автобат* — автомобильный батальон, *пулбат* — пулеметный батальон, *медсанбат* — медико-санитарный батальон), наименования, образованные

из начальной части и полного слова, ср.: *артподготовка, артобстрел, микрота, пульрота, санкрота, санинструктор*.

За пределами общения специалистов и военнослужащих оказываются номенклатурные знаки, обозначавшие марки и типы боевых машин, образцы оружия; при этом числовой показатель номенклатурного знака отбрасывался, и все обозначение функционировало в виде односложного слова: ЯК (истребитель конструкции А. С. Яковлева: ЯК-3, ЯК-5, ЯК-9, ЯК-15, ЯК-17), Ла (истребитель конструкции С. А. Лавочкина: Ла-5, Ла-15), МИГ (истребитель конструкции А. И. Микояна и М. И. Гуревича: МИГ-3), ЛАГГ (истребитель конструкции С. А. Лавочкина, В. П. Горбунова, М. И. Гудкова: ЛАГГ-3), ИЛ (штурмовик конструкции С. В. Ильюшина: ИЛ-2, ИЛ-4), Пе (бомбардировщик конструкции В. М. Петлякова: Пе-2). Условность таких обозначений подчеркивалась графически в контекстах письменной речи: «Боевые самолеты, истребители, „Яки“, „Лаги“, „Миги“ стали грозой для фашистских летчиков. Штурмовики „Ил“ беспощадно уничтожают живую силу и технику врага» (Известия, 1942, 10 мая). Впрочем, некоторые номенклатурные знаки и в общепотребительной речи сохраняли свой облик и не подвергались дальнейшим преобразованиям: Т-34 (средний танк), У-2 (учебный самолет). Ср.: «Из кустарника вышли наши „Т-34“» (Вечерняя Москва, 1943, 12 июля); «... прижимаясь к лесу, лавировал хорошо знакомый людям фронта и тыла, ставший поистине народным самолет „У-2“» (Известия, 1943, 15 апр.).

Все более возрастала роль составных наименований, обозначавших понятия военного дела. Использовались коммуникативные, изобразительно-оценочные возможности этого слоя лексики. При посредстве словообразовательных средств возникали новые слова как просторечно-разговорные эквиваленты составных наименований.

В начале войны, когда перевес в танках и самолетах был на стороне противника, на вооружение наших войск поступает противотанковое оружие: однозарядное противотанковое ружье конструкции В. А. Дегтярева и однозарядное противотанковое ружье конструкции С. Г. Симонова. Наряду с официальным, терминологическим наименованием стрелкового бронебойного оружия (*противотанковое ружье*) в обиходном общении фронтовиков начинает употребляться параллельное обозначение *бронебойное ружье*, обладающее большей мотивированностью в плане характеристики боевых свойств этого оружия (поражение наносилось бронебойно-зажигательными пулями): «Подразделения ошметинились бронебойными ружьями» (Известия, 1943, 19 марта).

На базе словосочетания *бронебойное ружье* возникает суффиксальное образование *бронебойка*: «Советская бронебойка в руках отважного стрелка безотказно уничтожает фашистские машины» (Правда, 1942, 4 авг.). От обиходно-разговорного выражения *дегтяревское ружье* (по фамилии его конструктора) произведено параллельное наименование *дегтяревка*: «Пришли пять бронебойщиков со своими длинными „дегтяревками“» (К. Симонов, Дни и ночи). Вместе с тем появляются и обозначения военнослужащего, на вооружении которого было противотанковое ружье; вначале его называли *противотанкистом*, а затем *бронебойщиком*, *петезровцем* (от сокращения ПеТеэР): «Боец-противотанкист! Прекрасное советское противотанковое ружье тебе доверила Родина» (Комсомольская правда, 1942, 16 мая); «Самоходчики вступили в огневой поединок с танками фашистов, они подбили восемь танков, не ушли и остальные, их подбили бронебойщики» (Известия, 1945, 25 марта). Уместно привести слова фронтовой песенки, отражающей активность названных обиходно-разговорных обозначений:

«Я петезровцем родился,
В расчете огнем возрос.
Я бронебойкою крестился,
И схватку с танком пережес».

Цепочка параллельных обозначений, возникшая на базе официального наименования в сфере обиходно-делового общения, способствовала ста-

новлению разговорно-просторечного эквивалента наименования лица по отношению к стрелковому (противотанковому) оружию. Слово *бронебойщик* постепенно завоевывает ведущее положение, оттесняя дублетные, но официальные наименования лица: *противотанкист*, *стрелок из противотанкового ружья*, *стрелок подразделения противотанковых ружей*, например: «*Бронебойщик* — новое слово, ему отроду всего несколько недель... Слово только рождено, а лаконичный телеграф продолжал длинно называть сокрушителей танков *стрелками противотанковых ружей*. Но и само ружье было новинкой» (Вечерняя Москва, 1942, 14 июня). Соотнесенность термина «бронебойщик» с рядом других названий воинских специальностей (*стрелок*, *минометчик*, *пулеметчик*; расчет *бронебойщиков*, расчет *пулеметчиков*; отделение *бронебойщиков*, отделение *пулеметчиков*, отделение *стрелков*; взвод *бронебойщиков*, взвод *пулеметчиков*, взвод *стрелков*, взвод *минометчиков* и т. п.) способствовала закреплению его в сфере военной лексики в качестве основного обозначения стрелка из противотанкового ружья [3, с. 56]. Словосочетание *противотанковое ружье* сохранило свою терминологическую обособленность и квалифицируется лексикографами как военное [4, III, с. 719], а его эквивалент *бронебойка* фиксируется как разговорное [4, I, с. 140]; выражение *бронебойное ружье* рассматривается как сопутствующее наименование, находящееся на периферии военной терминологии и в приближении к общелитературной речи [4, I, с. 140].

В разговорной речи того времени распространились слова, возникшие на базе словосочетаний: они обладают краткостью, цельнооформленностью, способностью актуализировать значение носителя признака, мотивируемое именем прилагательным как определяющим компонентом составного наименования: *ночник* — ночной бомбардировщик, *ручник* — ручной пулемет, *станкач* — станковый пулемет, *зажигалка* — зажигательная авиабомба, *фугаска* — фугасная авиабомба, *термитка* — термитная авиабомба, *магнитка* — магнитная мина, *секретка* — как бы секретная мина (секретно поставленная мина), *самоходка* — самоходное орудие, *трофейка* — трофейное оружие, трофейная автомашина, *снайперка* — снайперская винтовка и др.

Освоение терминологической лексики, средств профессионально ориентированного употребления сопровождалось появлением сопутствующих обозначений. Это были и слова, и раздельнооформленные номинации. Некоторые наименования в годы войны обрастали своеобразными оценочными заместителями, подчеркивавшими исключительную роль обозначаемого. Так, слово *партизан* нередко оказывалось выразительно недостаточным на фоне огромного вклада партизанского движения. Недостававшая в таких случаях информативность и неполнота оценочности вначале восполняются путем развертывания текста в направлении лексической избыточности, что помогало создавать представление о нелегкой и героической жизни защитников родной земли в тылу врага: «Партизаны беспощадно истребляют живую силу врага» (Комсомольская правда, 1941, 18 сент.); «Замечательными делами встречают партизаны великий праздник» (Вечерняя Москва, 1941, 7 ноября). Экстенсивные формы реализации содержательности, соотносительной со словом *партизан*, постепенно уступают место оценочным словосочетаниям как экспрессивным эквивалентам этого слова. В языке партизан раскрывается своеобразие их быта и патриотической деятельности: *лесные люди*, *лесные жители*, *лесные воины*, *лесные мстители*, *народные мстители* [5]. Последнее выражение получает значительное распространение как риторическая форма содержательности, соотносимой со словом *партизан*: «Подлинные образцы мужества и бесстрашия показали в этом бою *народные мстители*» (Правда, 1942, 31 янв.); «Слава *народным мстителям* — партизанам» (Известия, 1942, 9 апр.); «Сегодня город Ленина встретил вторую группу *народных мстителей*. 15 месяцев эти отважные люди дрались с захватчиками» (Комсомольская правда, 1944, 7 марта).

Лексема *снайпер* начинает обрастать оценочными определениями; градационный признак, реализуемый прилагательными, повышает комму-

никативную значимость словосочетаний, формируемых на базе слова *стрелок* и употребляемых в роли выразительно-оценочного эквивалента наименования *снайпер*: «*Меткие стрелки* отправились на охоту» (Известия, 1942, 7 янв.); «Состоялся слет *сверхметких стрелков*» (Комсомольская правда, 1942, 1 июля). Значительной активностью обладали экспрессивные эквиваленты, возникшие на базе слов *мастер*, *виртуоз*: «Сбор *мастеров меткого выстрела*» (Вечерняя Москва, 1943, 2 июля); «*Мастер меткого огня*» (Комсомольская правда, 1942, 7 авг.); «*Виртуозы меткого выстрела*» (Правда, 1942, 23 апр.).

Экспрессивность описательного наименования могла опираться на выразительный потенциал переносно-фигуральной семантики прилагательного, а также на изобразительный ореол определяемого слова. Летчики истребительной авиации назывались *крылатыми мстителями*, *крылатыми часовыми*, *крылатыми богатырями*, *крылатыми моряками* (летчики морской авиации), *крылатыми черноморцами*, *крылатыми балтийцами*, *крылатыми гвардейцами* (летчики гвардейских формирований), *крылатыми героями*, *крылатыми воинами*.

Описательные наименования возникали на базе выразительных возможностей опорного слова, обладающего высокой экспрессией и прозрачностью внутренней формы (*боец*, *истребитель*, *король*, *рыцарь* и др.): *воздушный боец* — летчик боевого самолета, *истребитель воздушных пиратов* — зенитчик, *рыцарь огня* — автоматчик, *властелин огня* — снайпер. Слово *снайпер*, в свою очередь, выступало в качестве базы целого ряда описательно-характеристических обозначений: *снайпер воздуха* — зенитчик, *снайпер эфира* — радист, *снайпер артиллерийского огня* — артиллерист, *снайпер минометного огня* — минометчик, *снайпер голубых лучей* — прожекторист, *боец подразделений службы ПВО*.

Некоторые единицы военной лексики втягиваются в сферу описательно-оценочных обозначений, чему содействует характер их денотативно-предметной содержательности (*артиллерия*, *броненосец*, *дредноут*, *линкор*, *крейсер*, *крепость*, *кавалерия*, *бомба*, *снаряд*); все они указывают на то, что вызывает представление о самых мощных средствах поражения.

Наименования грозной военной техники, мощных средств поражения выступали в качестве экспрессивной базы описательных обозначений. Так, боевые свойства таяка (огневая мощь, маневренность, высокая проходимость, броневая защита, способность к преодолению больших расстояний) служили основанием для всевозможных уподоблений; его роль приравнивалась к роли боевых кораблей и даже к роли крепости, поэтому стало возможным употребление целого ряда описательно-оценочных словосочетаний: *сухопутный броненосец*, *сухопутный линкор*, *сухопутный дредноут*, *сухопутный крейсер*, *сухопутная крепость*, *стальной дредноут*, *стальная крепость*, *бронированная крепость*, *бронированная подвижная крепость* и даже просто *подвижная крепость*. Ср.: «Поле битвы огласилось знакомым грозным ревом наших сухопутных линкоров — на врага устремились советские тавки» (Комсомольская правда, 1943, 8 июля); «Два часа продолжался бой бронированных крепостей, на поле боя остались груды металла от фашистских танков» (Известия, 1942, 24 ноября); «Стальная крепость врезалась в самую гущу вражеской пехоты» (Правда, 1941, 24 окт.); Тяжелые бомбардировщики назывались *воздушными броненосцами*, *воздушными линкорами*: «Бакинец, черпающий из недр земли драгоценное топливо для *воздушного броненосца*» (Известия, 1942, 24 апр.).

В сферу перифрастической номинации вовлекался широкий круг реалий: *карманная артиллерия* — гранаты, *огненные бомбы* — бутылки с зажигательной смесью, *огненные снаряды* — бутылки с воспламеняющейся жидкостью.

Наименования явлений природы (*ветер*, *дождь*, *лава*, *смерч*, *ураган*, *шквал* и др.) расширяли диапазон фразовой спеллости; выразительностью отличались словосочетания, включавшие слова, обладавшие нюансами экспрессивного плана: *ураган железа и стали* — огонь из всех видов стрелкового и артиллерийского оружия, *огневой ливень* — сильный артобстрел, *свинцовый дождь* — огонь стрелкового оружия, *металличе-*

ский дождь — пулеметно-пушечный огонь, *ураганный дождь* — интенсивный артобстрел, *артиллерийский шквал* — массированный огонь артиллерийских орудий, *железный ветер* — полет артиллерийских снарядов, *артиллерийский ураган* — артиллерийская канонада, *огневой смерч* — пулеметно-огнеметный огонь. Описательные обозначения, имевшие широкое распространение в годы войны, не утратили своей активности в послевоенное время: «*Огневой ливень* пробивает проходы в укреплениях» (Труд, 1944, 18 июня), «...раннее утро огласилось мощным *артиллерийским шквалом*» (Правда, 1944, 10 марта); «Стих артиллерийский ураган» (Известия, 1943, 23 окт.); «Появляется на автомашинах *„крылатая пехота“* — наши смелые десантники» (Правда, 1956, 4 мая).

Значительная группа слов и выражений военно-деловой речи получила широкий доступ в контексты общелитературной речи в качестве средства усиления социальной значимости высказывания. Неразрывная связь боевой, фронтовой и трудовой жизни советского народа предопределяла распространение военных слов в речевых ситуациях, в публицистических и художественных текстах, в которых общественно-политическая и производственная деятельность труженников тыла приравнивалась к боевым делам фронтовиков. Перенос названий реалий военного дела на явления мирной, невоенной жизни имел место еще в 20—30-е годы [6], но в годы Великой Отечественной войны он стал более интенсивным и всеобъемлющим: в него втягиваются новые лексические средства, расширяется сфера применения того, что уже было в предвоенные годы. Слово *фронт*, реализуя наметившееся уже в предвоенные годы переносное употребление (подчеркивавшее размах какой-либо деятельности, непосредственно не связанной с военными действиями), используется для выделения того, что оказывает наибольшую помощь фронту, что является полем мирной битвы, что приближает желанный день Победы: «Уборка урожая — это тоже фронт (Комсомольская правда, 1942, 3 июля). Активизируется употребление словосочетаний: *топливный фронт, посевной фронт, уборочный фронт, фронт уборки, фронт заготовки продуктов, фронт борьбы за высокий урожай* и др. Экспрессивность словосочетаний усиливается словами, манифестирующими образ борца как собрата фронтовика, соратника великой битвы с фашизмом (*герой, боец, армия бойцов*): «Среди *героев трудового фронта*» (Комсомольская правда, 1941, 27 ноября), «...пример передовых *бойцов трудового фронта*» (Правда, 1942, 13 янв.); «Пополним армию *бойцов трудового фронта*» (Комсомольская правда, 1942, 2 июля).

Распространяются словосочетания со словами *фронтовик, по-фронтовому: фронтовик тыла, фронтовик посевных работ, фронтовик уборочной кампании, фронтовое задание, фронтовое обязательство, фронтовая встреча* (общественно-политическое мероприятие, производственное движение), *фронтовая вахта, фронтовой месячник, фронтовая декада, фронтовая дисциплина, фронтовое зерно, фронтовое спасибо*; при этом слово *фронтовой* подчеркивает важность обозначаемого указанием на то, что оно предназначено для нужд фронта, для действующей армии: «Весне *фронтовую встречу* — создать агротехнические кружки, подготовить семенной материал» (Комсомольская правда, 1943, 30 дек.); «*Фронтовое спасибо* труженникам тыла» (Труд, 1944, 18 июня); «Колхозники района приняли на себя *фронтовые обязательства* — выполнить на уборочных работах по полторы — две нормы в день» (Известия, 1942, 18 июля). Почетные звания, которые присваивались лучшим трудовым коллективам, возникали с помощью прилагательного *фронтовой* (*фронтовая бригада, фронтовое звено, фронтовой участок*): «Разработано в наркоматах положение о комсомольско-молодежных бригадах и о введении постоянных удостоверений для членов *„фронтовых бригад“*» (Правда, 1943, 19 июля). Словосочетание могло распространяться уточняющим определением, квалифицирующим социально-производственный состав коллектива: «*Фронтовая бригада молодежи* (<...> *комсомольско-молодежная фронтовая бригада*» (Вечерняя Москва, 1942, 27 мая).

Словосочетания со словом *гвардеец* обладают положительно-оценочной отмеченностью, квалифицируя обозначаемое как воплощение трудовой

доблести: «Вот они, *гвардейцы в труде!* По двое-трое суток не покидают братья участка, досрочно выполняя заказы для фронта» (Комсомольская правда, 1942, 2 февр.).

Различные способы предикативно-характеризующей ориентации всенного слова в контекстах, раскрывающих содержание патриотической деятельности труженников тыла, повышали побудительный настрой высказывания и вместе с тем расширяли сферу применения профессиональной лексики: «Задание предприятию, колхозу, цеху, бригаде — *боевой приказ Родины*» (Известия, 1942, 7 окт.); «Урал — индустриальная *крепость* нашей Родины» (Правда, 1942, 20 июля); «Станок — *твое оружие*, береги его!» (Комсомольская правда, 1942, 4 марта).

Контексты и речевые ситуации, ориентированные на изобразительно-оценочные возможности ряда слов, способствовали реализации образных представлений [7, с. 70]. Сравнительные построения, опиравшиеся на экспрессивный потенциал таких слов, как *командир, гвардеец, фронт, бой, передовая линия, танк, бомба, мина, граната, пуля* и др., придавали высказыванию побудительно-оценочную тональность: «Завод нес потери, *как фронт*, и дрался, *как фронт*. Через сутки люди, стоявшие у станков, бросили на рубежи обороны 200 пушек» (Известия, 1942, 25 окт.); «...веди трактор, *как танк в бой*» (Комсомольская правда, 1943, 19 мая); «Бригада сварщиков вела себя, *как гвардейцы в бою с фашистами*. Да, это настоящие гвардейцы трудового фронта, доблестные воины производства» (Известия, 1942, 11 янв.). Сопоставительные построения воссоздавали яркие картины трудовой жизни, подчеркивали величие подвига тыла; они фиксировали впечатления, возникшие под воздействием фронтовой жизни: «*Как раненый, стонет метель*» (Известия, 1943, 14 марта); «Пыль висела над дорогой, *как дымовая завеса*» (Известия, 1942, 6 окт.).

Возникали словосочетания на базе всенных слов, предопределяющих номинативно-оценочную значимость социально стимулируемых наименований (*урожай победы, фонд победы, фонд обороны, гектары обороны*): «Осваивают новые земли... эти посевы комсомольцы назвали *гектарами обороны* и решили будущий урожай с них сдать в фонд обороны» (Комсомольская правда, 1941, 26 дек.). В годы войны возникают устойчивые словосочетания, в которых находят выражение коллективный опыт защитников Родины; они передавались из уст в уста, проникали на страницы фронтовых газет, получали доступ на полосы центральных газет и журналов, выступали в качестве образно-характеристического средства языковой ткани художественных произведений. Новое выражение достигало эффекта меткостью содержания, способностью к обобщению и назидательно-оценочной интерпретации жизненного явления. Поэтому оно обретало крылья, быстро подхватывалось и становилось фактом повседневного общения.

Поскольку крылатые речения охватывали явления фронтовой и партизанской жизни, они широко включали слова и выражения, обозначающие реалии всенного дела: «Шел фашист на пирушку, а попал на мушку» [8].

Фразовая устойчивость словосочетаний поддерживалась смысловой ориентацией сцепляемых слов (сфера понятий военного дела); при этом каждая фраза была рассчитана на воспроизводимость, она отличалась скороговорочной внушительностью, образностью, эмоционально-оценочной содержательностью.

Целостность отрезка речи скреплялась расстановкой слов, придававших выражению ритмичность и рифмовую огласовку; при этом рифмическая соотносительность частей устойчивой фразы нередко создавалась переносно-фигуральным сближением сцепляемых слов (*граната — это гранатный огурец, пуля — свинец*): Для фашистов *гранатный огурец* да в стволе *свинец*; Узнает фашистский подлец, чем пахнет *огурец*. Рифмовое созвучие достигалось ориентацией словесного ряда на выразительные возможности личного имени: Дед *Роман* — старый партизан; Дедушка *Пров* к фашистам *суров*; Отличился дед *Емеля* в партизанском *деле*; Наша *Света* партизанит *где-то*; Пойдём в партизаны, *Нина*: сейчас такая *годи-*

на. Географические названия создавали эффект рифмизации и при этом придавали экспрессивную внушительность характером реминисцентной ассоциативности с местом боевой схватки, стойкого сопротивления, ожесточенного сражения: *Трепещит фашистская оборона*, гоним врага от тихого Дона; *Штурмовали роты Бранденбургские ворота*; *Фашисты у Хомутовки побросали винтовки*; *Укрепляй рубеж, защищай Фатеж*; *Дни и ночи гремят бои у Корочи*; *Фашистскому танку не пройти в Горожанку*; *Фашистов под Ельцом встретили свинцом*.

Преобразование отрезка речи в устойчивое выражение сопровождалось подбором слов, способных обеспечить стыковочную рифмовку; в этом случае применялось лексическое распространение, придававшее реализуемому содержанию оценочность и характеристичность: *Служит у нас партизанка — смелая санитарка*; *Смело отражай атаку, бей фашистскую собаку*; *Захватили партизаны склад — настоящий клад*.

Целостность словесного ряда скреплялась организацией комментирующей части высказывания, сопоставляемой с понятийной содержательностью военного слова как смыслового стержня устойчивой фразы: *Штык не лошадь — есть не просит, но далеко вперед выносит*; *Пуля, что пчела: побежишь — ужалит*.

Воспроизводимые сцепления слов нередко воспринимались как лозунговые клише, они приковывали внимание слушателя — читателя к фактам, имевшим решающее значение в жизни фронта и тыла. Распространены построения в виде побудительных предложений со сказуемым в форме 2-го л. повелительного наклонения: *Бей фашистов не в бровь, а в глаз* — таков народа наказ; *Бери дубье, бей фашистское зверье*; *За муки детей — фашиста убей*. Сказуемое таких фраз могло быть выражено формой повелительного наклонения, соотносимой с 1-м л. мн. числа изъявительного наклонения: *Фашистскую нечисть испечем*, нашу землю *отстоим*.

Меткие изречения были иного плана; они как бы объективировали безусловную истину, представляли характеризующее как то, что истинно, как то, что отливается в суждения, реализующие предметно-логическую определенность. В построениях такого типа подчеркивалась неотвратимость того, что выражено подлежащим: *Манеер — душа победы*; *Что боец фронтовой, что боец трудовой — все на линии передовой*. В них содержалось указание на постоянство, неизменность того, что представляет суть безусловной оценки характеризующего: *Знает свет: тверже русских нет*; *Лося бьют осенью, а фашиста — всегда*.

Фразеологический фонд русского языка пополнялся выражениями, которые фиксировали явления житейской мудрости и содержали определенную дозу дидактичности. Устойчивые фразы такого рода воспринимались как пословицы; в них выражалось суждение большой обобщающей силы: *Фашист, что комар: где сядет, там и кровь пьет*. Другие речения не имели такого обобщающего суждения, в них содержался намек на тот или иной случай житейской практики, на те или иные особенности, свойственные людям, птицам, животным, природным явлениям; они воспринимались как поговорки, придающие речи выразительность: *Винтовка без ухода, что конь без овса*.

Пословицы и поговорки не всегда поддаются четкому разграничению, поэтому значительный слой обобщенно-назидательных, образно-иносказательных речений, возникших в годы Великой Отечественной войны, целесообразно рассматривать как социально стимулируемое явление и отнести к разряду пословично-поговорочных выражений как разновидностей устойчивых фраз, фразеологических выражений.

Выделяются пословично-поговорочные выражения с образно-характеристическим стержнем, выраженным несвободным сочетанием слов: *В бой ходили — у фашистов пыл остудили*; *Съели бы фашисты русского мужика, да кишжа тонка*. Колоритны пословично-поговорочные речения, мотивируемые экспрессивной значимостью образных сравнений: *Фашист без танка, что волк без зубов*; *Партизаны налетают — фашисты как свечи тают*.

Условия эпохи видоизменили направление коммуникативной ориен-

тация целого ряда пословично-поговорочных выражений, с давних пор вошедших в сокровищницу народной мудрости. Традиционные пословицы и поговорки подвергались смысловой и структурной модификации и, таким образом, подключались к духу времени, к реализации того содержания, которое возникало в условиях ожесточенной борьбы с фашизмом. При этом традиционное выражение как бы приобретало иную редакцию, менявшую социально-оценочную ориентацию оборота народной мудрости. Семантически емкое слово, обладавшее обобщенно-назидательной характеристичностью, заменялось другим, относящим все выражение к непосредственным событиям, которые определили содержание и характер жизни общества в условиях, когда каждый жил интересами фронта, каждый делал все возможное во имя грядущей победы: Не все *фашистам* масленица: придет и великий пост (вместо слова *коту*); Там хорошо, где *фашистов* нет; На ловца и *фашист* бежит.

Целостность структуры традиционного выражения разрушалась словами, которые подключались к лексическому балансу стереотипа народной мудрости и тем самым изменяли социально-оценочный смысл образного средства народной речи: Видит *фашистское* око, да зуб неймет; При *фашистах* припас: вода да квас; *Фашисту* конец — делу венец. Вносилось не только новое слово, но в ряде случаев заменялось и экспрессивно значимое слово: На *фашисте-воре* *кашка* горит (традиционное: На воре шапка горит).

Структура традиционных пословиц и поговорок распространялась лексическим комментарием, объединявшим привычные, обобщенно-характеристические и оценочно-комментирующие отрезки текста в симметричные звенья ритмико-синтаксического и содержательно-выразительного единства: Видно птицу по полету, а *фашиста по грабежам*; Руби дерево по себе, а *фашиста всякого*; Могила исправляет горбатого, да еще *фашиста проклятого*.

Коммуникативные запросы общества обусловили активизацию некоторых групп устаревшей лексики. В речевой обиход возвращаются слова, способные служить средством выражения преемственности воинских традиций русской армии. Именно поэтому некоторые слова, относимые в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова к разряду устаревших, становятся фактом живой речи. Слово *солдат*, ставшее фактом пассивного словаря в связи с ликвидацией царской армии, в годы Великой Отечественной войны начинает выступать в качестве параллельного наименования защитника Родины, синонимизируясь с рядом лексем — *боец, красноармеец, воин*. Оно расширяет сферу своего применения, приобретая оттенок качественного значения: «Капитан Величко, раздавивший корпусом своей машины танк вместе с экипажем, с этого времени и стал настоящим *солдатом*» (Правда, 1943, 2 июля). С течением времени это слово закрепляется как наименование рядового военнослужащего Красной Армии: «Таких *солдат* у него была треть батальона ... У одного из вагонов, охраняя еще не погруженное на повозки имущество, стоял немолодой *красноармеец*» (К. Симонов, Дни и ночи).

В 1946 г. было установлено новое наименование Вооруженных сил Советской страны — *Советская Армия* вместо прежнего *Красная Армия*, ставшего фактом военной истории, и слово *солдат* упрочивается как официальное обозначение военнослужащего рядового состава: «Пишу „солдаты“, „офицеры“ и спохватываюсь: ведь тогда их не так называли, говорили „красноармейцы“, „командиры“. Но пусть читатель простит старого *солдата*. Считал и считаю: не так много на земле столь гордых слов, как „советский солдат“, „советский офицер“. Почему же не воспользоваться ими, когда речь идет о героях Великой Отечественной войны» (П. И. Батов, В походах и боях). Слово *солдат* так же, как и слово *офицер*, стало военным термином, обычным фактом общелитературной речи и утратило неодобительно-оценочные осмысления, развившиеся в нем в дореволюционное время.

Возвращение устаревших слов в активный фонд русской лексики сопровождалось их смысловым, экспрессивно-оценочным возрождением; они

обретали иной характер военно-терминологической содержательности, стилистической квалификации, а также усиливали выразительный потенциал речи. Слова *офицер, кавалер, погоны, гвардия, гвардеец* и их производные, а также словосочетания, возникшие на базе некоторых обозначений реальный военного дела, обогатили и дополнили положительно-оценочный пласт русской лексики, изобразительный фонд русского словаря. Возникли оценочные сочетания для выражения положительной экспрессии: *удаль гвардейская, слава гвардейская, стойкость гвардейская, поступь гвардейская*. Получили распространение перифрастические выражения: *целинная гвардия, гвардейцы целины, гвардейцы жатвы, гвардейцы механизации, гвардейцы пятилетки, серебряная гвардия* (умудренные жизненным опытом мастера своего дела), *рабочая гвардия*—кадровые рабочие и др.

В роли квалифицирующего и сценивающего средства стали использовать и иноязычные лексемы (из западноевропейских, тюркских языков: *ас, фриц, полицай, блицкриг, сабантуй* и др.). При посредстве немецкого языка получает распространение французское слово *ас*, обозначающее в жаргоне французских летчиков пилота высшего класса. В начале второй мировой войны немецко-фашистская пропаганда создает миф о непобедимости своих летчиков-истребителей как мастеров воздушного боя. Отличившемуся летчику вручался значок аса, он награждался железным крестом, а на фюзеляже его самолета намалевывался пиковый туз (французское *ас* — туз, старшая игральная карта). Пропагандистский аппарат немецко-фашистской армии использовал экспрессивный потенциал французского слова, овеянного блеском спортивной и военной славы, хотя задолго до второй мировой войны мастера воздушного боя назывались по-немецки *Daus*. Психологическая значимость престижного французского слова использовалась фашистами весьма широко, даже авиационные подразделения удостаивались такого наименования: «В район Сталинграда были переброшены *асы* из группы противовоздушной обороны Берлина —нашумевшая эскадрилья „Трефовый туз“» [9]. Первоначально слово *ас* используется как наименование фашистских пилотов: «*Ассы* (...) эти отпетые разбойники воздуха бомбили много стран» (Комсомольская правда, 1941, 18 июля). Затем оно начинает применяться как престижное обозначение советских летчиков-истребителей, проявивших мастерство в ходе воздушного боя: «Это была четвертая победа русского *асса* гвардии капитана Савушкина за один день» (Известия, 1942, 10 окт.). Слово *ас* становится популярным и выступает в качестве почетного наименования мастера воздушного боя: «*Ассы* — это авангард советских истребителей. Звание советского асса — почетно, о нем должны мечтать, его должен добывать каждый летчик-истребитель» (Красная звезда, 1943, 1 июля). Слово *ас* укоренилось в русском языке, оно сохранило французское произношение [áss], определившее графический облик этого слова в годы войны, и поныне продолжает выступать в качестве риторического средства, обозначая большого мастера своего дела [3, с. 31].

Социальные условия стимулировали активизацию тех изменений, которые имели место в словарном составе русского языка, но они не оказывали непосредственного воздействия на характер лексических процессов, определявшихся тенденциями, имевшими место и в предшествующие, довоенные годы [7, с. 52]. Активизация военных обозначений вызвала распространение составных наименований и появление сопутствующих, словных наименований как разговорно-просторечных эквивалентов военных терминов; происходило продвижение специальной, профессиональной лексики в сферу общего употребления (письменная и разговорная речь); практиковалось создание новых слов по действующим в языке словообразовательным моделям; происходило перемещение лексических единиц на периферию литературного языка, появление у ряда слов новых значений вследствие семантических преобразований (семантическое стяжение, специализация значения).

Стала более активной и тенденция к экспрессивности слова, возникали наименования вследствие переносно-фигурального осмысления слов и сло-

восочетаний, втягиваемых в сферу взаимодействия по линии официальных, военно-терминологических и обиходно-бытовых обозначений; стало экспрессивно ориентированным и стилистически мотивированным употребление ряда устаревших слов, иноязычной лексики, различных групп книжной и разговорной лексики, изобразительного репертуара фразеологических средств русского языка.

Социальные условия жизни носителей русского языка обусловили активность лексических изменений, но эти изменения определялись закономерностями, свойственными русскому языку как системе средств общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. История КПСС. Т. V. Кн. 1. М., 1970, с. 155. ♀
2. Муромский В. И. Словарь военных терминов. Пг., 1914, с. 19 и 63.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981.
4. Словарь русского языка. М.— Л., 1957—1961.
5. Миртов А. В. Материалы к изучению лексико-фразеологических элементов языка партизан эпохи Великой Отечественной войны.— Уч. зап. Горьковского ун-та, 1957, вып. 43, с. 157.
6. Боровой Л. Новые слова.— Красная новь, 1938, № 2; 1939, № 4; 1940, № 1, 9—10.
7. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
8. Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны. М., 1962.
9. Яковлев А. С. Цель жизни. М., 1969, с. 329.